

Список литературы

1. Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР / Под ред. А. У. Урунбаева, Р. П. Джалиловой. Т. XI. Ташкент, 1987.
2. Вильданова А. Б. Рукописи сочинений среднеазиатских математиков и астрономов в фонде ИВ АН УзССР // Материалы по истории науки и культуры народов Средней Азии / Под ред. П. Г. Булгакова, У. И. Каримова. Ташкент, 1991. С. 302—321.
3. Матвиевская Г. П., Розенфельд Б. А. Математики и астрономы мусульманского средневековья и их труды (VII—XVII вв.). Т. 2. М., 1983.
4. Розенфельд Б. А. История неевклидовой геометрии. Развитие понятия о геометрическом пространстве. М., 1976.

А. В. АНДРЕЕВ

ОБ ОГРАНИЧЕННОСТИ ПОЛИТИЗИРОВАННОГО ПОДХОДА В СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ФИЗИКИ

(письмо А. А. Максимова в ЦК ВКП(б)

«О политическом положении на физмате МГУ»)

Распространено представление о том, что определенный период советской истории (условно — с 1917 г. по конец 50-х) характеризуется прежде всего тотальной политизацией всех сторон общественной жизни, в том числе и естественных наук. Представление это в общем верно: факты вмешательства властных структур в деятельность научных коллективов сейчас общеизвестны (как прямого вмешательства — репрессий и т. п., так и косвенного — через обусловленную политической обстановкой, личными политическими пристрастиями общественную позицию тех или иных ученых). Сложилась даже тенденция все события в жизни научного сообщества тех лет, за исключением чисто научных (открытия, эксперименты и т. п.), объяснять под этим углом зрения. Издержки ее очевидны. В частности, персонажи тех или иных событий из истории советской физики стали окрашиваться современными публицистами исключительно в черный или белый цвет — и все это лишь на основании их политических взглядов.

В Архиве МГУ хранится интересный документ [1], который помогает понять порочность такого черно-белого политизированного видения. Во-первых, документ свидетельствует о несущественности различий в политических взглядах ряда известных ученых-физиков, второстепенности этих различий по сравнению с другими идейными расхождениями, не имевшими отношения к политике (достаточно сложными, чтобы быть рассмотренными здесь). Во-вторых, этот документ показывает, что не всегда черное бывает черным: автор документа А. А. Максимов (советский философ, занимавшийся проблемами естествознания), привычно-отрицательный в большинстве современных оценок персонаж, сыграл в свое время (конец 20-х—начало 30-х гг.) большую роль в нормализации работы Научно-исследовательского института физики при физико-математическом факультете МГУ.

Вот содержание документа с некоторыми сокращениями.

«В последнее время среди научных работников наблюдается резкое ухудшение политических настроений и обострение борьбы, что связано как с усилением классовой борьбы в стране вообще, так и в связи с коренной реорганизацией высшей школы (усиление нашего руководства, ломка структуры вузов, переход подбора кадров аспирантов в наши руки и пр.)».

Далее следует «характеристика состава основных профессорских групп физического раздела физмата», предваряемая характеристикой профессора А. К. Тимирязева.

«...Тов. Тимирязевым, осуществлявшим в последние годы (1922—1929) фактическое руководство физическим разделом физмата и в значительной степени имевшим решающее влияние на физмат в целом, был допущен ряд политических и организационных ошибок, мешавших политической дифференциации профессуры и консолидации всех советски на-

строенных элементов и объективно приведших к ослаблению нашего влияния среди научных работников и аспирантов физмата в целом.

Основной ошибкой тов. Тимирязева являлась полная и безоговорочная поддержка одной из профессорских группировок, не имевшей определенной политической физиономии и представлявшей, подобно другим группировкам, блок разнородных политических элементов, начиная от махровых черносотенцев и кончая людьми, советски настроенными. <...>

Ввиду полной политической беспринципности всех группировок господство одной из них, и в частности группы РОМАНОВА—ТИМИРЯЗЕВА, отнюдь не обеспечивало проведения четкой политической линии на физмате. <...>

...У тов. Тимирязева получалось так, что, например, профессор Кастерин (см. ниже характеристику) попал в передовые профессора только потому, что "опровергает теорию относительности"».

Характеристики остальных сотрудников Максимов оформляет в виде лаконичной таблицы.

« 1. Романов В. И.	Известный физик. В определенной области известен за границей.	Лояльно настроен. Член Моссовета. Член М. Б.* секции научных работников.
2. Яковлев [К. П.]	Ничтожная научная величина.	Черносотенец. Ставленник Кассо.
3. Кастерин [Н. П.]	Известный физик.	Черносотенец. Высылался ГПУ в 1922 г. из СССР вместе с целой группой черносотенной профессуры.
4. Потапенко [Г. В.]	Рядовой физик.	Лоялен.
5. Капцов [Н. А.]	Рядовой физик.	Политически не выявлен. Абсолютно не активен.
6. Зернов [В. Д.]	В научном отношении ничего собой не представляет.	Антисоветски настроенный. Был удален по политическим мотивам из Саратовского ун-та.
7. Млодзиевский [А. Б.]	Рядовой физик.	Лоялен. Мало активен.
Группа Аркадьева		
1. Аркадьев [В. К.]	Довольно известный физик.	Лоялен.
2. Введенский [Б. А.]	Хороший физик.	Лоялен. Работник ВЭИ.
3. Бачинский [А.И.]	Хороший физик.	Черносотенец, активно выступающий.
4. Теодорчик [К. Ф.]	Рядовой физик.	Не лоялен.
Группа акад. Мандельштама		
1. Мандельштам [Л. И.]	Крупный физик европейским именем. Последнее его открытие (эффект Мандельштама—Ландсберга) широко известно за границей.	Лоялен. Состоит главным консультантом Треста слабых токов. В последнее время назначен директором теоретической лаборатории Всесоюзного электротехнического ин-та. Прекрасный педагог.
2. Вавилов [С. И.]	Известный физик. Многие работы известны за границей.	Право настроен, но в последнее время стремится ра-

* Видимо, имеется в виду московское бюро.

ботать с нами. Читал доклады в кружке физиков-материалистов и на курсах при Комакадемии, охотно сотрудничает в нашей прессе (Революция и Культура и Естествознание и Марксизм).

3. Тамм [И. Е.] Хороший молодой физик. Вполне лоялен. За последнее время заметны некоторые колебания.
4. Ландсберг [Г. С.] Хороший физик. Последняя работа широко известна за границей. Право настроен.».

Через пять месяцев после докладной записки Максимова работа Института физики при физмате МГУ была проверена бригадой Рабоче-крестьянской инспекции. Отчет об этой проверке [2], занимающий 27 страниц машинописного текста через один интервал, весьма мрачен.

Комиссия отметила низкий общий уровень исследовательской работы института, указала, что некоторые сотрудники за последние пять лет не опубликовали ни одной научной работы. В качестве исключения названо возглавляемое Л. И. Мандельштамом отделение теоретической физики, на котором за три года было выполнено около пятидесяти работ, «из них 17 — экспериментальных», но, правда, и здесь комиссия нашла существенный недостаток: «полное безразличие к вопросам диалектического материализма.»

Общий пункт отчета комиссии посвящен, естественно, групповщине на физмате. «В основе своей групповая борьба была борьбой за распределение и перераспределение материальных средств. Но такая "материалистическая" основа борьбы настоятельно нуждалась в маскировке. Роль такой маскировки играло распространявшееся Тимирязевым утверждение, что борьба идет между советской профессурой (то бишь романовской группировкой) и анти-советской (то бишь антиромановской)».

«В 1926 г., исключительно благодаря усилиям партийных и студенческих организаций, был привлечен для работы в Физ. ин-те 1 МГУ проф. Мандельштам, крупный ученый, ныне академик. Господствовавшая группировка почувствовала в нем большую опасность для своего монопольного положения. Так как прямо противодействовать его работе было невозможно, ему было организовано пассивное сопротивление. По выражению бывшего аспиранта Андропова, "проф. Мандельштама держали в абсолютно черном теле"».

Общий вывод комиссии: «...Так называемый Научно-исследовательский ин-т физики при 1 МГУ является в значительной степени *паразитической* организацией. <...>Ликвидация ин-та, который сам по себе вполне заслужил этой участи, имела бы, однако, и свою оборотную сторону: она вместе с тем означала бы ликвидацию единственного (по крайней мере, в Москве) ин-та, отличного по типу от ин-тов промышленности...».

Комиссия предложила реорганизовать НИИФ, передать институт из ведения МГУ в подчинение Коммунистической академии, директора института Романова снять и назначить на эту должность «надежного человека, не обязательно физика».

В октябре 1930 г. директором НИИФа стал коллега А. А. Максимова по работе в кабинете истории и философии естествознания при физмате и в Институте красной профессуры Б. М. Гессен, который за шесть лет своей административной деятельности обеспечил условия для существенного повышения уровня физических исследований в МГУ, для расцвета школы Л. И. Мандельштама. Вклад школы Мандельштама в советскую теоретическую физику, оптику и теорию колебаний общеизвестен. Положительная роль Б. М. Гессена как ученого-администратора, способствовавшего в первой половине 30-х гг. эффективной работе группы Мандельштама, также более-менее известна. Максимов же (в 50-е гг. выдающийся борец с «реакционным эйнштейнианством» и с идеализмом Мандельштама) традиционно воспринимается в этой связи как чисто отрицательный персонаж. Как можно видеть, это не совсем верно.

Список литературы

1. Архив МГУ, ф. 225, оп. 1, ед. хр. 23.
2. Архив МГУ, ф. 201, оп. 1, ед. хр. 490.